

ЦИФРОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО И ТОРГОВОГО ОБОРОТА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© 2022 г. В. А. Лаптев

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: laptev.va@gmail.com

Поступила в редакцию 22.03.2022 г.

Аннотация. Трансформация современного общества в результате внедрения цифровых технологий потребовала переосмысления сущности традиционной для отечественного правоведения правовой категории «объект права». Благодаря рассматриваемым технологиям сложившееся столетиями понимание объекта права как «ценности», обладающей физической субстанцией, кардинально изменилось. Наряду с объектами материального мира общественные отношения складываются по поводу объектов цифрового пространства и виртуального мира, что давно прогнозировалось физиками и инженерами, а впоследствии стало активно исследоваться экономистами и правоведами. В настоящей статье анализируется сущность цифровой информации на современном этапе, ее место в системе иных объектов права. Определяются условия для ее признания объектом права. Разделяются случаи ошибочного отождествления ряда математических или цифровых алгоритмов с объектами права. Приводятся классификации и исследуются признаки цифровой информации, представляющей собой объект права. Дается характеристика отдельных видов цифровых объектов права, в частности больших данных, аккаунтов, веб-архивов, виртуального имущества, цифровых двойников и иных. Предлагаются пути развития отечественного законодательства в области правового режима цифровой информации.

Ключевые слова: объект права, объект правоотношения, информация, цифровая информация, информация в электронном виде, цифровые объекты права, информационные технологии, цифровой код, криптографии, большие данные.

Цитирование: Лаптев В.А. Цифровая информация как объект гражданского и торгового оборота на современном этапе // Государство и право. 2022. № 7. С. 90–101.

DOI: 10.31857/S102694520019309-0

DIGITAL INFORMATION AS AN OBJECT OF CIVIL AND COMMERCIAL TURNOVER AT THE PRESENT STAGE

© 2022 V. A. Laptev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: laptev.va@gmail.com

Received 22.03.2022

Abstract. The transformation of modern society as a result of the introduction of digital technologies required a rethinking of the essence of the legal category “object of law”, traditional for domestic jurisprudence. Thanks to the technologies under consideration, the centuries-old understanding of the object of law as a “value” that has a physical substance has changed dramatically. Along with the objects of the material world, social relations are formed about the objects of the digital space and the virtual world, which has long been predicted by physicists and engineers, and subsequently began to be actively studied by economists and jurists. This article analyzes the essence of digital information at the present stage, its place in the system of other objects of law. The conditions for its recognition as an object of law are determined. The cases of erroneous identification of a number of mathematical or digital algorithms with objects of law are divided. The classification is given and the signs of digital information, which is an object of law, are investigated. The characteristics of certain types of digital objects of law are given, in particular, Big Data, accounts, web archives, virtual property, digital twins and others. The ways of development of domestic legislation in the field of the legal regime of digital information are proposed.

Key words: object of law, object of legal relationship, information, digital information, information in electronic form, digital objects of law, information technology, digital code, cryptography, Big Data.

For citation: *Laptev, V.A. (2022). Digital information as an object of civil and commercial turnover at the present stage // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 90–101.*

Введение. Объект права как правовое явление, по поводу которого складывается или то, на что направлено общественное отношение (блага), подробно исследовался в трудах дореволюционных и советских ученых-правоведов¹. Понимание объекта права и объекта правоотношения в отдельных отраслях российского права имеет свои различия. Не погружаясь в оценку длительных научных дискуссий о теории объекта правоотношения и объекта права, их соотношении, заслуживает внимания мнение акад. Ю.К. Толстого² о фактическом признании данных категорий тождественными, с чем соглашаются многие правоведы³.

В середине прошлого столетия акад. В.М. Глушков рассматривал кибернетику и созданные им вычислительные машины как инструмент управления данными (информацией), а ее результаты как средство управления национальной экономикой⁴. Родоначальник кибернетики Н. Винер вовсе говорил о науке как о формулировании учеными теорий на основе вероятностных процессов (теория вероятностей)⁵. Математические алгоритмы и теория обратной связи как основы кибернетики в своей совокупности стали основой современных информационных технологий.

Вхождение в эпоху цифровых технологий существенным образом изменило систему ценностей общества⁶, а в ближайшее время кардинально трансформирует его культуру, включая культурный

код, и предопределяет дальнейшее развитие цивилизации (акад. Д.С. Лихачев)⁷.

Роль физики и создаваемых человеком технологий для будущего гражданского общества обстоятельно отмечалась в докладах акад. П.Л. Капицы⁸. Следует признать прикладное значение и роль права в экономических парадигмах и научно-технической революции *Industry 4.0*. Задача отечественного правоведения заключается в выработке подходов по оценке существа «новых» правовых явлений и в предложении возможного пути их правовой регламентации, обеспечивающей публичные интересы государства и общества в целом.

Объекты права уже нельзя рассматривать как исключительно физическую субстанцию. В.К. Андреев небесспорно обозначает рассматриваемые виды «закодированными субъективными имущественными правами», одновременно указывая на то, что в процессе перевода обязательственного и иных гражданских прав в цифровое право исчезло различие между ними⁹.

В данной статье мы вновь возвращаемся к вопросу о *цифровой информации* как о возможном самостоятельном объекте права и исследуем создаваемые технологиями новые сущности.

Виды объектов права на современном этапе. В различные периоды времени многочисленные правки ст. 128 ГК РФ¹⁰ меняли подходы в отечественном правоведении к определению объекта права и его видов. Так, если в 1994 году в первоначальной редакции данной статьи объектом права признавались вещи и иное имущество; работы и услуги; *информация*; интеллектуальная собственность; нематериальные блага, то с 2006 г. информация была исключена из данного перечня.

Исключение информации из состава объектов права, поименованных в ст. 128 ГК РФ,

⁷ Подробнее о культурном коде см.: *Лихачев Д.С. Культурный код. Человек в литературе Древней Руси.* СПб., 2015.

⁸ См.: *Капица П.Л. Энергия и физика: доклад на научной сессии, посвященной 250-летию Академии наук СССР, Москва, 8 октября 1975 г. // Вестник АН СССР. 1976. № 1. С. 34–43.*

⁹ См.: *Андреев В.К. Правовое регулирование применения цифровых технологий: теоретические размышления // Государство и право. 2021. № 11. С. 81–89.*

¹⁰ См.: Федеральные законы: от 18.03.2019 г. № 34-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 12, ст. 1224; от 02.07.2013 г. № 142-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 27, ст. 3434; от 18.12.2006 г. № 231-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1), ст. 5497.

¹ См., напр.: *Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву.* Л., 1949. С. 81, 82; *Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе.* М., 1958. С. 142, 150, 155, 156; *Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву.* М., 1940. С. 22, 23.

² См.: *Толстой Ю.К. К теории правоотношения.* Л., 1959. С. 50–66.

³ См., напр.: *Российское гражданское право: учеб.: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М., 2011. С. 297.*

⁴ См.: *Глушков В.М. Основы безбумажной информатики.* М., 1982. В данной работе была предложена «Общегосударственная автоматизированная система учета и обработки информации (ОГАС)».

⁵ См.: *Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине (Wiener N. Cybernetics or control and communication in the animal and the machine). 2-е изд. М., 1968. Прим.: Н. Винер полагал, что деление науки на дисциплины представляет собой административную условность.*

⁶ См.: *Laptev V., Fedin V. Legal Awareness in a Digital Society // Russian Law Journal. 2020; 8(1):138–157.*

обусловливалось его многоплановой сущностью и множеством значений. Ведь не случайно в силу ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹¹ информацией признаются любые сведения, сообщения и данные независимо от формы их представления.

Любопытно, что в ряде государств объектом гражданских прав признаются *нераскрытая информация* (ст. 128 ГК Республики Беларусь¹²) и *информация* (ст. 177 ГК Украины¹³), при том что так же, как и в Российской Федерации, действуют отдельные нормативные правовые акты об информации¹⁴. Следовательно, утверждение о множестве значений понятия «информация» не является бесспорным основанием для отказа от признания ее объектом права.

В Азербайджане перечень объектов права не случайно открыт и определяется соответствующими характеристиками. К объектам гражданских правоотношений¹⁵ отнесены любые материальные или нематериальные блага, имеющие имущественную или неимущественную стоимость (ст. 4 ГК Азербайджанской Республики¹⁶).

В силу Гражданского кодекса Франции (Кодекса Наполеона)¹⁷, в частности, объектами уступки права (как разновидности договора купли-продажи) могут быть любые неимущественные права (не осязаемые объекты материального мира): долговое требование, право на долю в компании, право на клиентуру, право в области интеллектуальной деятельности и иные (гл. VIII титула VI «Об уступке прав требования и иных неимущественных прав»).

Видится небеспочвенным утверждение Н.И. Соловяненко о том, что наряду с результатами интеллектуальной деятельности в целом связанные с ними информация и документы (неохраняемые результаты) также обладают юридическими характеристиками и подлежат соответствующей

правовой регламентации, несмотря на существование специальных норм права о результатах интеллектуальной деятельности¹⁸.

В 2019 г. в условиях тотальной цифровизации экономики при обновлении положений ст. 128 ГК РФ к «иному имуществу» были отнесены цифровые права, природа которых до сих пор представляется дискуссионной¹⁹. Между прочим, в 2020 г. в Казахстане законодатель использовал универсальную дефиницию — «цифровые активы», отнеся их к категории имущества (ст. 115 ГК Республики Казахстан²⁰), а не к имущественным правам как в Российской Федерации. Правда, в законодательстве Казахстана цифровым активом выступает лишь то имущество, которое создано в электронно-цифровой форме с применением средств криптографии и компьютерных вычислений, не являющееся финансовым инструментом, а также электронно-цифровая форма удостоверения имущественных прав (ст. 1 Закона РК от 24.11.2015 г. № 418-V «Об информатизации»²¹).

Признание соответствующего объекта права таковым, в том числе с учетом их оборотоспособности, отражено в судебной практике российских судов, отражено в судебной практике российских судов. Так, к наследству отнесены указанные в ст. 128 ГК РФ объекты права, а также имущественные обязанности, упомянутые в ст. 1175 ГК РФ (п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 г. № 9)²². В семейных отношениях общим имуществом супругов признают любое движимое и недвижимое имущество, которое в силу ст. 128, 129 и 213 ГК РФ может быть объектом права собственности граждан (Постановление Пленума Верховного Суда от 05.11.1998 г. № 15)²³. Объектами налогообложения признается имущество в понимании ст. 128 ГК РФ (п. 43 Обзора судебной

¹¹ См.: СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3448.

¹² См.: Ведомості Національного сходу Республіки Білорусь. 1999. № 7–9, ст. 101.

¹³ См.: Ведомости Верховной Рады Украины. 2003. № 40.

¹⁴ См.: Закон Республики Беларусь от 10.11.2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2008. № 279, 2/1552; Закон Украины от 02.10.1992 г. № 2657-XII «Об информации» // Ведомости Верховной Рады Украины. 1992. № 48; и др.

¹⁵ В законодательстве Азербайджана используются также термины «объекты вещных прав» (объекты физического мира), «объект лизинга» (движимые или недвижимые предметы) и др.

¹⁶ См.: Сборник законодательства Азербайджанской Республики. 2000. № 4.

¹⁷ См.: Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). М., 2012. С. 4–592.

¹⁸ См.: Соловяненко Н.И. Юридическая характеристика документации, технологических данных и иной информации в составе единой технологии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 7. С. 187–190.

¹⁹ См.: Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 86–95; Андреев В.К. Проблемы адаптации обязательственных прав к обращению в инвестиционной платформе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 85–90; Егорова М.А., Кожевина О.В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы рос. права. 2020. № 1. С. 81–91; и др.

²⁰ См.: Ведомости парламента Республики Казахстан. 1996. № 2, ст. 187; см. также: Закон Республики Казахстан от 25.06.2020 г. № 347-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий» // Ведомости парламента Республики Казахстан. 2020. № 12 (2806), ст. 61.

²¹ См.: Казахстанская правда. 2015. 26 нояб.

²² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

²³ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 1.

практики Верховного Суда РФ (2020. № 4), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020 г.)²⁴. Преступления в сфере экономики могут совершаться в отношении имущества, признаваемого таковым в ст. 128 ГК РФ (п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»)²⁵.

Поддерживаем мнение о спорности тезиса о закрытом перечне объектов права ст. 128 ГК РФ, в том числе в условиях цифровой трансформации²⁶, поскольку реальный гражданский и торговый оборот свидетельствует об обратном. Перманентные попытки законодателя в данной статье охватить открытым перечнем всевозможные виды (типы) объектов гражданского либо торгового оборота по объективным причинам (в том числе используемым формулировкам) до сих пор не увенчались успехом.

Небесспорны мнения о том, что ряд категорий (например, «нематериальные блага») вовсе нельзя отнести к объектам права, а сама категория «объект права» определяется через более широкое понятие «имущество»²⁷. Те же результаты интеллектуальной деятельности рассматриваются в качестве нематериального объекта права, в то время как при совершении сделок о передаче прав на данные результаты объектом сделки уже выступает имущество — права на интеллектуальную собственность. Таких примеров о несовпадении категории и сущности явлений множество.

Новые сущности и формы объектов права постепенно закрепляются в отдельных нормативных правовых актах. Однако Г.А. Гаджиев справедливо отмечает правовую неопределенность в ст. 128 ГК РФ, поскольку даже суду в рамках дискреционных полномочий предоставлено право в конкретных случаях самостоятельно определять, относится ли к объекту гражданских прав то или иное благо²⁸.

Рассматривая аспекты всевозможных видов информации, разумеется, мы учитываем особую природу и правовой режим сведений (информации) ограниченного доступа, составляющих

коммерческую, государственную, служебную, банковскую и другие виды тайн. На практике, например, та же коммерческая тайна является не чем иным, как режимом конфиденциальности информации (ст. 2 Федерального закона от 29.07.2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне»²⁹), а объектом продажи (иной сделки) фактически выступает «информация», содержащая в себе производственные, технологические и иные сведения (в том числе о способах осуществления экономической деятельности), наделяющая ее обладателя возможностью получать экономическую или иную выгоду (преимущество). То есть самостоятельным объектом права наряду с информацией о результатах интеллектуальной деятельности (ст. 1225 ГК РФ) может быть и простая информация, составляющая реальное благо.

Немаловажным является вопрос о возможности определения объекта права путем описания его отличительных характеристик либо эмпирическим путем посредством наблюдения за объектами, по поводу которых складываются правоотношения. Видится, что в обоих случаях подходы должны приводить к одинаковым выводам.

Цифровая информация в системе объектов права. Многообразие объектов права и критерий их классификации регулярно отмечается в юридической литературе³⁰. Рассматриваемая проблематика и научные выводы во многом зависят от толкования сущности, содержания и формы соответствующих категорий. Так, в доктрине недавно даже стали выделять «информационные отношения», объектами которых выступает «цифровая информация»³¹.

Цифровая информация на первый взгляд по своей природе очень близка к безличным денежным средствам и бездокументарным ценным бумагам (электронная форма денег и ценных бумаг), и может рассматриваться как свойство какого-либо существующего объекта права. Ведь не случайно законодатель поставил в один ряд цифровые права с безличными денежными средствами и безличными ценными бумагами, а информацию так и не вернул в перечень объектов права в ст. 128 ГК РФ.

Безличные деньги и бездокументарные ценные бумаги являются лишь особой формой (способом) фиксации объекта права — актива, при том, что их существо остается неизменным.

²⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.

²⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

²⁶ См., напр.: *Савельев А.И.* Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 60–92.

²⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5 / А.В. Барков, А.В. Габов, В.Г. Голубцов и др.; под ред. Л.В. Санниковой. М., 2015. С. 11–21.

²⁸ См.: определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2014 г. № 1350-О, совместно с мнением судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиева // В официальных источниках не публиковалось.

²⁹ См.: СЗ РФ. 2004. № 32, ст. 3283.

³⁰ См., напр.: *Лапач В.А.* Система объектов гражданских прав. Теория и судебная практика. СПб., 2002; *Витрянский В.В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., 2016.

³¹ *Кузнецов П.У.* Комплексный подход к правовому регулированию общественных отношений в области цифровой экономики // Росс. юрид. журнал. 2018. № 6. С. 156.

С технологической же точки зрения данные активы представляют собой некую цифровую запись в регистре (на расчетном счете в банке, реестре владельцев ценных бумаг). По сути, речь идет об обычных деньгах либо ценных бумагах, но в электронном виде (в виде цифровой информации). Получается, что, поскольку сущность и форма отчетливо разделяются, можно утверждать о самостоятельном объекте права. По данной причине цифровая информация не всегда образует самостоятельный или «новый» объект права. Иначе может получиться даже в одном правоотношении дублирование сущностей и наложение объектов права, что, очевидно, не будет верным.

Таким образом, одним из условий признания цифровой информации самостоятельным объектом права будет отсутствие дублирования сущности двух и более объектов права. Правда, цифровые технологии в какой-то степени «стирают» данное правило и в ряде случаев «сводят его на нет», в чем мы далее убедимся.

Цифровая форма объектов права постоянно исследуется в правоведении³². Ряд ученых полагают, что новые сущности, к которым, в частности, относятся токены, не образуют объекта права, а представляют собой лишь форму фиксации ранее известных традиционных объектов права (например, Л.Ю. Василевская³³). Данный вывод объясняется выбранным самим же законодателем подходом при определении в ст. 141¹ ГК РФ цифровых прав как «обязательственных и иных прав, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы».

Рациональное зерно содержит мнение о необходимости придерживаться вариативного подхода, позволяющего рассматривать цифровые активы — токены, и как форму традиционных ранее известных правоведению объектов права — средство учета и удостоверения (вещей, прав требований и т.д.), и как новый объект права, например, цифровую валюту или цифровые ценные бумаги (Л.Г. Ефимова³⁴). Углубляясь в данное исследование и технологическую составляющую цифровых активов, предлагается и вовсе рассматривать в качестве «нового»

объекта права лишь токены, свидетельствующие в распределенном реестре традиционные объекты права (недвижимость, результаты интеллектуальной собственности и др.), т.е. когда цифровая запись в реестре блокчейна соединяется с благом юридически и функционально (Л.А. Новоселова, О.А. Полежаев³⁵).

Таким образом, цифровая информация, к которой, в частности, могут быть отнесены цифровые финансовые активы, представляют собой не только электронную форму фиксации прав (например, права участия в капитале непубличного акционерного общества), но и непосредственно актив, например, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, предусмотренных решением о выпуске цифровых финансовых активов (ст. 1 и 12 Федерального закона от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³⁶).

Получается, «двойная» сущность одного явления — объекта права, но не задвоение объектов права и (или) способов их фиксации. По этой причине представляется, что рассмотрение цифровых прав и иных цифровых активов в качестве конструкции «права на право»³⁷ в скором времени утратит актуальность и станет архаизмом юридической науки.

Исторически перманентно появлялись и признавались объектами права блага, так или иначе связанные с традиционными активами (объектами права), например, на фондовом рынке — право требования по договорам (производным финансовым инструментам) о продаже ценных бумаг, валюты или товаров, в том числе путем заключения соответствующих договоров³⁸.

Исследуя цифровую информацию, нельзя обойти стороной *цифровую валюту* — совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе (ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений

³² См., напр.: Рахматулина Р.Ш. Цифровая форма объектов авторского права // Право и цифровая экономика. 2019. № 1. С. 35–38. DOI: 10.17803/2618-8198.2019.03.1.035-038; Шелокова А.А. Понятие цифровой формы объектов гражданских прав // Гражданское право. 2021. № 4. С. 11–13.

³³ См.: Василевская Л.Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы рос. права. 2019. № 5. С. 111–119.

³⁴ См.: Ефимова Л.Г. Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства // Банковское право. 2021. № 5. С. 7–20.

³⁵ См.: Новоселова Л.А., Полежаев О.А. О правовом режиме объектов гражданских прав, гражданских прав, выраженных в цифровых активах // Закон. 2020. № 11. С. 165–172.

³⁶ См.: СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5018.

³⁷ Гузнов А., Михеева Л., Новоселова Л. и др. Цифровые активы в системе объектов гражданских прав // Закон. 2018. № 5. С. 16–30.

³⁸ См.: Указание Банка России от 16.02.2015 г. № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов» // Вестник Банка России. 2015. № 28; Положение Банка России от 04.07.2011 г. № 372-П «О порядке бухгалтерского учета производных финансовых инструментов» // Вестник Банка России. 2011. № 43.

в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³⁹), активные исследования которой в последние годы отражены в юридической, экономической и иной литературе. Так, М.А. Егорова и О.В. Кожевина, формулируя вывод о правовой природе криптовалюты, близкой к «иному имуществу», и отграничивая их от виртуальных предметов, подчеркивают признание ее «платежным средством, не имеющим самостоятельной ценности»⁴⁰. Встречается также мнение о том, что криптовалюта не только не обладает самостоятельной ценностью и «не представляет интерес», но и вовсе является промежуточным средством достижения конечного результата (А.В. Степанченко⁴¹). Такие выводы не противоречат толкованию закрепленной в ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ дефиниции цифровой валюты как принимаемой в качестве средства платежа, не являющейся денежной единицей государства или международной денежной или расчетной единицей.

Действительно, ценность криптовалюты заключается в ее способности выступать объектом сделок, поскольку в отрыве от такой возможности ее криптоалгоритм (код) становится просто цифровой технологией. Лишь восприятие участниками общественных отношений криптовалюты, а не технологии ее создания, самостоятельной ценностью позволяет рассматривать ее в качестве *актива* и объекта сделок. Сама по себе цифровая информация в информационных сетях, а также информация «горячего» (приватный ключ подключен к Интернету) либо «холодного» (не подключен к Интернету) кошелька криптовалюты не является объектом права.

Цифровая валюта априори обладает экономической ценностью (участвует как реальный объект сделок) ввиду уникальных технологических свойств создания, и ее платежная сила характеризуется числовыми показателями, и речь идет не о криптографических алгоритмах, создающих криптовалюту, а о показателях ее номинальной ценности.

Любопытной видится Концепция цифрового рубля, предложенная Банком России⁴², свидетельствующая о возможности рассмотрения криптовалюты как потенциально третьей формы денег на территории Российской Федерации, используемой

³⁹ См.: СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5018.

⁴⁰ Егорова М.А., Кожевина О.В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы рос. права. 2020. № 1. С. 81–91.

⁴¹ См.: Степанченко А.В. К вопросу о правовой сущности криптовалюты / под ред. О.А. Кузнецовой, В.Г. Голубцова, Г.Я. Борисевич и др. // Пермский юридический альманах. Ежегодный науч. журнал. 2019. № 1. С. 510–519.

⁴² См.: URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 16.03.2022).

в том числе в офлайн-режиме (без доступа к сети Интернет), что очевидно не соответствует традиционному пониманию криптовалюты в распределенном реестре⁴³.

Особого внимания заслуживает *электронная подпись* (криптографическое преобразование информации), существующая (хранящаяся) на материальном жестком диске, флэш-накопителе (USB) либо в облачном сервисе⁴⁴. Как верно отмечает Н.И. Соловяненко, символы, коды и пароли могут рассматриваться электронной подписью лишь в случае их исполнения и принятия сторонами по взаимному соглашению и с явным намерением подтвердить подлинность написанного⁴⁵. Такой вывод обусловлен предназначением электронной подписи – подписание документа в электронной форме. При этом сама же электронная подпись не образует объекта права (в виде цифровой информации), ее нельзя продать, подарить либо уступить иным образом, поскольку она принадлежит конкретному лицу для свидетельствования его воли и тесно связана с личностью обладателя.

Данный подход можно использовать применительно к рассматриваемой проблематике. Сами участники гражданского и торгового оборота посредством признания соответствующей цифровой информации объектом права вступают в правоотношения. Такое признание получается не в силу особых юридических отличительных признаков объекта права, а в силу реально складывающихся общественных отношений по поводу соответствующих благ.

Исследуя цифровую информацию (знаки) как объекта права, обнаруживается тенденция, согласно которой ученые-правоведы признают ее таковой при условии юридической связи ее сущности и функции⁴⁶. То есть экономические отношения складываются в отношении фактических потребностей гражданского общества и бизнеса в приобретении определенных благ, причем право и технологии лишь регламентируют и способствуют их реализации.

Переходя к отдельным видам цифровой информации, образующей объект права, прежде всего остановимся на *Big Data* (*большие данные*) – большие массивы данных (*data set, dataset*),

⁴³ См.: URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 16.03.2022).

⁴⁴ См.: Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СЗ РФ. 2011. № 15, ст. 2036.

⁴⁵ См.: Соловяненко Н.И. Юридическая роль электронной подписи в электронной коммерции // Предпринимательское право в XXI веке: преемственность и развитие. М., 2002. С. 67–83.

⁴⁶ См.: Новоселова Л.А., Полежаев О.А. Цифровые знаки как объекты гражданских прав // Предпринимательское право. 2019. № 4. С. 3–12.

отличающиеся главным образом такими характеристиками, как объем, разнообразие, скорость обработки и / или вариативность, которые требуют использования технологии масштабирования для эффективного хранения, обработки, управления и анализа (ГОСТ Р ИСО/МЭК 20546–2021). Вполне резонно было включение в Гражданский кодекс РФ новой договорной конструкции оказания услуг по предоставлению информации (ст. 783¹).

Рассматриваемый объект права также именуется «*массивом данных*» (структурированной и неструктурированной информации – «сырые данные»), позволяющим также обучать искусственный интеллект; «*набором данных*» (структурированной информации) и иными техническими и юридическими обозначениями. Среди особенностей массива данных выделяют наличие в них множества информации об окружающем мире и происходящих процессах, источник информации – технические либо социальные сведения, машиночитаемую форму и потенциальную коммерческую ценность⁴⁷.

Big Data может рассматриваться во многих значениях: в качестве цифровой технологии сбора и обработки данных (программы); базы данных (охраняемый результат интеллектуальной деятельности); как «нераскрытая» без применения цифровых технологий информация и т.д. Отчасти многие из упомянутых значений так или иначе в ней присутствуют. Однако следует сделать оговорку на то, что Big Data не может уравниваться в значении с базами данных, упомянутыми в ст. 1225 ГК РФ. Так, если «изготовителем» (обладателем) баз данных выступает лицо, организовавшее создание базы данных и работу по сбору, обработке и расположению составляющих ее материалов либо лицо, имя (наименование), указанное на экземпляре базы данных и (или) его упаковке, то обладателем Big Data может быть абсолютно любое лицо, в фактическом распоряжении которого находятся эти данные.

Таким образом, базы данных, созданные на основе информации Big Data, подпадают под особый правовой режим. Вместе с тем мы также должны учитывать, что положения Федерального закона об информации не применяются к базам данных, являющихся охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности (п. 2 ст. 1), и оборот такой информации регламентируется разд. VII ГК РФ.

Отдельную дискуссию вызывает оценка части информации больших данных, составляющей персональные данные⁴⁸, к которым, в частности

⁴⁷ См.: Савельев А.И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота персональных данных // Вестник гражданского права. 2021. № 4. С. 104–129.

⁴⁸ См.: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3451.

относятся cookie-файлы (позволяющая «узнавать» пользователя при повторном посещении сайта и отслеживать его активность) и hash-ID (идентификатор транзакции и активного пользователя).

Доменные имена соответствующих страниц сайтов сети Интернет, представляющие собой обозначение символами, предназначенное для адресации сайтов (ст. 2 Федерального закона об информации), справедливо рассматриваются в качестве цифрового актива⁴⁹, обладающего идентификационным предназначением (например, позволяет узнавать товар или его продавца).

Обращаясь к Положению о национальной системе доменных имен⁵⁰ и Правилам регистрации доменных имен в доменах .RU и .РФ⁵¹, становится очевидным, что в отрыве от соответствующей регистрации доменного имени рассмотрение его как особого вида цифровой информации невозможно и является условием для признания его самостоятельным объектом права. Кроме того, «идентифицирующее» свойство доменного имени (привязка его к иному активу), например, применительно к исключительным правам на товарные знаки или географическое указание, прямо отмечено в положении п/п. 5 п. 2 ст. 1484 и п/п. 4 п. 2 ст. 1519 ГК РФ. Таким образом, в данном случае наблюдается конкуренция правовых режимов цифровой информации и специального объекта права (доменного имени).

Иначе обстоит дело с *аккаунтами*, ряд из которых может рассматриваться как оборотоспособный объект права (например, бизнес-аккаунт социальных сетей), а другие – исключительно как технологический доступ к информационной системе (например, portalу ГосУслуги). Важно отметить, что аккаунт может рассматриваться как благо, когда он в связке с его определенным контентом. В литературе предлагается различать аккаунты: в социальных сетях, в рамках которых могут быть выделены бизнес-аккаунты и для личного использования; почтовые; игровые; аккаунты платежных систем и онлайн-сервисов⁵².

Отдельное место занимает информация, доступ к которой совершается посредством активизации аккаунта, например на Интернет-порталах проверки

⁴⁹ См.: Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ. М., 2020.

⁵⁰ См.: Приказ Роскомнадзора от 31.07.2019 г. № 229 // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru>, 08.11.2019.

⁵¹ Утв. решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 05.10.2011 г. № 2011–18/81. URL: https://cctld.ru/files/pdf/docs/rules_ru-ru.pdf (дата обращения: 11.03.2022).

⁵² См., напр.: Кирсанова Е.Е. Аккаунт как объект гражданских прав // Вестник арбитражной практики. 2020. № 2. С. 44–48.

контрагента СПАРК-Интерфакс (<https://spark-interfax.ru/>) или Контур.Фокус (<https://focus.kontur.ru/>). Примечательно, что объектом в данном случае может рассматриваться как аккаунт (доступ к информации), так и сама информация, полученная (обработанная) данными порталами информации. Может даже сложиться впечатление, что разные сущности в итоге позволяют получить благо (информацию о контрагенте). Разумеется, предоставление данной информации можно рассматривать как результаты услуг (отдельный вид объекта права). Вместе с тем на практике, получая доступ к данным порталам, мы понимаем, что результата (итоговой информации) может и вовсе не быть, а доступ к такому «нулевому» (неинформативному) ответу подлежит оплате пользователем.

*Цифровые отпечатки сайтов (web-архив)*⁵³ являются одновременно уникальной технологией цифрового копирования и хранения контента страниц сайтов сети Интернет, а также источником информации (электронная библиотека, архив Интернета). Несмотря на то что данные электронные библиотеки стали создаваться с 90-х годов, в гражданский и торговый оборот в Российской Федерации они вошли недавно, о чем также свидетельствует судебная и административная практика⁵⁴. В настоящее время доступ к Интернет-архиву свободный для любого пользователя, и все же данная информация может рассматриваться в том числе в качестве объекта права, поскольку ее поиск, подборка и хранение вполне может выступать условием сделки.

Информация поисковых агрегаторов и иных аналогичных приложений, в том числе доступ к работе которых осуществляется на платной основе (например, Investing.com, MSN Финансы – котировки акций, Яндекс.Карты и др.). Пользователь, приобретая и устанавливая на свой смартфон, планшет либо компьютер данные приложения, получает цифровую информацию. В данном случае правоотношение не возникает в отношении конкретного результата услуг. В действительности, конечной целью сделки выступает существующая в текущем моменте информация в электронном виде.

Виртуальное имущество как объект права, будучи абсолютно новым по своей природе, весьма условно подпадает под категорию «бестелесные вещи». Существующие исключительно в цифровом мире виртуальные вещи в компьютерных играх, приложениях для смартфонов и т.д. стали

объектами сделок⁵⁵. Видится невозможным рассмотрение виртуального имущества исключительно как контента цифровой информации (программы), поскольку данный объект права обладает соответствующими характеристиками (свойствами) подобно вещам материального мира (например, виртуальная оцифрованная одежда, игровое имущество – оружие или оборудование). Взаимоотношения по поводу виртуальных благ можно с уверенностью назвать цифровыми правоотношениями, в которых не только объекты, но и способы взаимоотношения обеспечиваются передачей цифровой информации.

Цифровой двойник представляет собой динамическую модель физической вещи, отражающую ее жизненный цикл, постоянно дополняя ее сведениями, накопленными в процессе эксплуатации вещи через соответствующие датчики и сенсоры (например, автомашины марки Tesla или КАМАЗ). Цифровой двойник оправданно отграничивает от информационной модели, цифрового образа, цифрового профиля либо цифровой тени, однако не всеми признается объектом гражданских прав ввиду его привязки к физической вещи и динамики изменения⁵⁶. Такой подход объясняется технологической связкой цифрового двойника с объектом физического мира. Вместе с тем сам по себе цифровой двойник является «завершенной» цифровой информацией, характеризующей соответствующий объект цифрового пространства, который можно использовать в торговом обороте (например, посредством его продажи).

Пожалуй, убедительным аргументом на пути признания отдельных видов цифровой информации объектом права должно рассматриваться положение п. 1 ст. 5 Федерального закона об информации (2006 г.), в силе которого информация может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений, а круг регулируемых данным Федеральным законом отношений достаточно широкий – при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; при применении информационных технологий; обеспечении защиты информации (п. 1 ст. 1). В этой связи сомнения на пути

⁵⁵ См.: Хилота В. В. Дематериализация предмета хищения и вопросы квалификации посягательств на виртуальное имущество // Журнал рос. права. 2021. № 5. С. 68–82; Гапанович А. В. К вопросу о наследовании виртуального имущества в социальных сетях // Наследственное право. 2020. № 2. С. 40–43; и др.

⁵⁶ См.: Гапанович А. В. Является ли цифровой двойник самостоятельным объектом гражданских прав? // Право цифровой экономики. 2021. Вып. 17. Ежегодник-антология / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2021. С. 412–428.

⁵³ См., напр.: <https://web.archive.org/> и <https://web-arhive.ru/>

⁵⁴ Подробнее о цифровых доказательствах см., напр.: Липтев В. А., Соловьяненко Н. И. Цифровое правосудие. Цифровой документ. М., 2022. С. 168–170.

признания цифровой информации объектом права⁵⁷ в условиях реальной жизни беспочвенны.

Приведенный обзор свидетельствует о множестве сущностей цифровой информации, позволяющих рассматривать ее в качестве объекта права, технологического инструмента (способа) участия в правоотношении, абстрактного математического алгоритма, виртуального кода и т.д.

В качестве объекта права мы можем рассматривать цифровую информацию, раскрытие (считывание) которой невозможно без применения цифровых технологий и оборудования. Данная цифровая информация неделима и даже, если речь идет о части информации от ее целого, такая часть также обладает свойством технологической целостности и неделимости. То есть часть объекта права может образовать самостоятельный объект права (например, часть информации Big Data об определенных событиях либо действиях). Неделимость означает утрату способности информации выступать объектом права в случае изъятия из нее цифрового либо технологического фрагмента.

Таким образом, к новым объектам права на современном этапе, будучи цифровой информацией, можно отнести, в частности Big Data, цифровой отпечаток (web-архив), аккаунты с контентом, виртуальное имущество, цифровые двойники и др.

В юридической литературе не случайно исследуются признаки отдельных видов объектов права – вещей, денежных средств, результатов интеллектуальной деятельности и т.д.⁵⁸ Достаточно сложно в существующей парадигме общественных отношений выделить универсальные признаки, характеризующие любой объект права. В этой связи в доктрине еще не раз будут высказываться мнения о том, что и цифровые (электронные) права представляют собой лишь цифровую форму традиционных объектов права (невещественных или бестелесных, например, аналогично безналичным денежным средствам)⁵⁹.

Предлагаются следующие существенные *признаки цифровой информации* как объекта права:

способность участия их в гражданском и торговом обороте в качестве блага (актива);

⁵⁷ См.: *Инюшкин А.А.* Информация в системе объектов гражданских прав и ее взаимосвязь с интеллектуальной собственностью на примере баз данных // Информационное право. 2016. № 4. С. 4–7.

⁵⁸ См., напр.: *Лужина А.Н.* Недвижимое имущество: понятие и отдельные виды: учеб. пособие. М., 2017.

⁵⁹ См., напр.: *Попондотуло В.Ф.* Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 29–36; *Шелокова А.А.* Указ. соч. С. 11–13.

фиксация, хранение и передача обеспечивается исключительно цифровыми (информационными) технологиями;

технологически целостная единая (неделимая);

отсутствие материального выражения характеристик (свойств).

Разумеется, данные признаки отчасти свойственны цифровым правам, токенам и иным схожим (вариативным) объектам права, уже закрепленным в законодательстве, и нередко условны. Цифровая информация может рассматриваться и как бестелесный объект права, но в конечном счете она всегда связана с материальным носителем, ибо хранится на жестком диске или карте памяти. В этой связи при рассмотрении цифровой информации как соответствующего контента сведений (цифр, кодов и алгоритмов) отмечается ее «вторая» сущность, близкая к движимым объектам права, неделимая и сложная.

Оценивая существующий правовой режим данных объектов права, необходимо сделать оговорку о том, что отдельные виды цифровой информации имеют правовую регламентацию (например, Big Data), а некоторые по-прежнему остаются в рамках общих регуляторных норм без учета специфики данных объектов права (например, цифровые отпечатки web-архивов, цифровые двойники или NFT – Non-fungible token, в переводе с англ. – «не-взаимозаменяемый токен»).

Полагаем, отсутствует целесообразность прямого закрепления в ст. 128 ГК РФ цифровой информации как «шестого» вида или подвида существующих объектов права. Отнесение ее к категории «иного имущества» уже обеспечено реальным гражданским и торговым оборотом, а также косвенно отражено в законодательстве. Складывающаяся судебная практика во многом будет зависеть от толкования цифровой информации самими участниками процесса (сторонами правоотношений), которое в известной степени комплексное с учетом ее технологических, экономических и правовых аспектов.

Заключение. В условиях цифровизации общественных отношений и экономики выявлена неизбежность вновь вернуться к категории информации, но уже иного свойства – цифровой информации, образующей благо, по поводу которого складываются общественные отношения.

Полагаем возможным признание объектом права *цифровой информации*, участвующей в гражданском и торговом обороте, фиксация, хранение и передача которой обеспечивается исключительно цифровыми (информационными) технологиями, технологически единой (неделимой)

и не обладающей материально выраженными характеристиками.

Возможные правовые подходы по данной проблематике напрямую зависят от технологической составляющей современной экономики. При этом роль национальной системы права не утратит своего значения, несмотря на «стирание» регуляторных границ правопорядков информационно-телекоммуникационной сетью Интернет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агарков М. М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 22, 23.
2. *Андреев В. К.* Правовое регулирование применения цифровых технологий: теоретические размышления // Государство и право. 2021. № 11. С. 81–89.
3. *Андреев В. К.* Проблемы адаптации обязательственных прав к обращению в инвестиционной платформе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 85–90.
4. *Василевская Л. Ю.* Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы рос. права. 2019. № 5. С. 111–119.
5. *Винер Н.* Кибернетика или управление и связь в животном и машине (*Wiener N.* Cybernetics or control and communication in the animal and the machine). 2-е изд. М., 1968.
6. *Витрянский В. В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., 2016.
7. *Гапанович А. В.* К вопросу о наследовании виртуального имущества в социальных сетях // Наследственное право. 2020. № 2. С. 40–43.
8. *Гапанович А. В.* Является ли цифровой двойник самостоятельным объектом гражданских прав? // Право цифровой экономики. 2021. Вып. 17. Ежегодник-антология / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2021. С. 412–428.
9. *Глушков В. М.* Основы безбумажной информатики. М., 1982.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5 / А. В. Барков, А. В. Габов, В. Г. Голубцов и др.; под ред. Л. В. Санниковой. М., 2015. С. 11–21.
11. *Гузнов А., Михеева Л., Новоселова Л. и др.* Цифровые активы в системе объектов гражданских прав // Закон. 2018. № 5. С. 16–30.
12. *Егорова М. А., Кожевина О. В.* Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы рос. права. 2020. № 1. С. 81–91.
13. *Ефимов Л. Г.* Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства // Банковское право. 2021. № 5. С. 7–20.
14. *Инюшкин А. А.* Информация в системе объектов гражданских прав и ее взаимосвязь с интеллектуальной собственностью на примере баз данных // Информационное право. 2016. № 4. С. 4–7.
15. *Иоффе О. С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л., 1949. С. 81, 82.
16. *Капица П. Л.* Энергия и физика: доклад на научной сессии, посвященной 250-летию Академии наук СССР, Москва, 8 октября 1975 г. // Вестник АН СССР. 1976. № 1. С. 34–43.
17. *Кечекьян С. Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 142, 150, 155, 156.
18. *Курсанова Е. Е.* Аккаунт как объект гражданских прав // Вестник арбитражной практики. 2020. № 2. С. 44–48.
19. *Кузнецов П. У.* Комплексный подход к правовому регулированию общественных отношений в области цифровой экономики // Росс. юрид. журнал. 2018. № 6. С. 156.
20. *Лапач В. А.* Система объектов гражданских прав. Теория и судебная практика. СПб., 2002.
21. *Лаптев В. А., Соловяненко Н. И.* Цифровое правосудие. Цифровой документ. М., 2022. С. 168–170.
22. *Лихачев Д. С.* Культурный код. Человек в литературе Древней Руси. СПб., 2015.
23. *Лужина А. Н.* Недвижимое имущество: понятие и отдельные виды: учеб. пособие. М., 2017.
24. *Новоселова Л. А., Полежаев О. А.* О правовом режиме объектов гражданских прав, гражданских прав, выраженных в цифровых активах // Закон. 2020. № 11. С. 165–172.
25. *Новоселова Л. А., Полежаев О. А.* Цифровые знаки как объекты гражданских прав // Предпринимательское право. 2019. № 4. С. 3–12.
26. *Попондопуло В. Ф.* Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 29–36.
27. *Рахматулина Р. Ш.* Цифровая форма объектов авторского права // Право и цифровая экономика. 2019. № 1. С. 35–38. DOI: 10.17803/2618-8198.2019.03.1.035-038
28. Российское гражданское право: учеб.: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М., 2011. С. 297.
29. *Савельев А. И.* Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 60–92.
30. *Савельев А. И.* Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота персональных данных // Вестник гражданского права. 2021. № 4. С. 104–129.
31. *Санникова Л. В., Харитонова Ю. С.* Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 86–95.
32. *Санникова Л. В., Харитонова Ю. С.* Цифровые активы: правовой анализ. М., 2020.
33. *Соловяненко Н. И.* Юридическая роль электронной подписи в электронной коммерции // Предпринимательское право в XXI веке: преемственность и развитие. М., 2002. С. 67–83.
34. *Соловяненко Н. И.* Юридическая характеристика документации, технологических данных и иной информации в составе единой технологии // Гуманитарные,

- социально-экономические и общественные науки. 2020. № 7. С. 187–190.
35. Степанченко А. В. К вопросу о правовой сущности криптовалюты / под ред. О. А. Кузнецовой, В. Г. Голубцова, Г. Я. Борисевич и др. // Пермский юридический альманах. Ежегодный науч. журнал. 2019. № 1. С. 510–519.
  36. Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л., 1959. С. 50–66.
  37. Хиллута В. В. Дематериализация предмета хищения и вопросы квалификации посягательств на виртуальное имущество // Журнал рос. права. 2021. № 5. С. 68–82.
  38. Щелокова А. А. Понятие цифровой формы объектов гражданских прав // Гражданское право. 2021. № 4. С. 11–13.
  39. Laptev V., Fedin V. Legal Awareness in a Digital Society // Russian Law Journal. 2020; 8(1):138–157.
  13. Efimova L. G. Digital assets and rights to them in the context of changes in civil and banking legislation // Banking Law. 2021. No. 5. P. 7–20 (in Russ.).
  14. Inyushkin A. A. Information in the system of objects of civil rights and its relationship with intellectual property on the example of databases // Information Law. 2016. No. 4. P. 4–7 (in Russ.).
  15. Ioffe O. S. Legal relations under Soviet Civil Law. L., 1949. P. 81, 82 (in Russ.).
  16. Kapitsa P. L. Energy and Physics: report at the scientific session dedicated to the 250th anniversary of the Academy of Sciences of the USSR, Moscow, October 8, 1975 // Herald of the Academy of Sciences of the USSR. 1976. No. 1. P. 34–43 (in Russ.).
  17. Kechekyan S. F. Legal relations in socialist society. M., 1958. P. 142, 150, 155, 156 (in Russ.).
  18. Kirsanova E. E. Account as an object of civil rights // Bulletin of Arbitration practice. 2020. No. 2. P. 44–48 (in Russ.).
  19. Kuznetsov P. U. An integrated approach to the legal regulation of public relations in the field of digital economy // Russ. legal journal. 2018. No. 6. P. 156 (in Russ.).
  20. Lapach V. A. System of objects of civil rights. Theory and judicial practice. SPb., 2002 (in Russ.).
  21. Laptev V. A., Solovyanenko N. I. Digital Justice. Digital document. M., 2022. P. 168–170 (in Russ.).
  22. Likhachev D. S. Cultural code. Man in the literature of Ancient Russia. SPb., 2015 (in Russ.).
  23. Luzhina A. N. Real estate: the concept and individual types: studies manual. M., 2017 (in Russ.).
  24. Novoselova L. A., Polezhaev O. A. On the legal regime of objects of civil rights, civil rights expressed in digital assets // Law. 2020. No. 11. P. 165–172 (in Russ.).
  25. Novoselova L. A., Polezhaev O. A. Digital signs as objects of civil rights // Entrepreneurial Law. 2019. No. 4. P. 3–12 (in Russ.).
  26. Popondopulo V. F. Legal forms of digital relations // Lawyer. 2019. No. 6. P. 29–36 (in Russ.).
  27. Rakhmatulina R. S. Digital form of copyright objects // Law and the digital economy. 2019. No. 1. P. 35–38. DOI: 10.17803/2618-8198.2019.03.1.035-038 (in Russ.).
  28. Russian Civil Law: studies: in 2 vols. I: General part. Property Law. Inheritance Law. Intellectual property rights. Personal non-property rights / ed. by E. A. Sukhanov. 2nd ed., stereotype. M., 2011. P. 297 (in Russ.).
  29. Savelyev A. I. Civil-legal aspects of data turnover regulation in the context of attempts to form a digital economy // Herald of Civil Law. 2020. No. 1. P. 60–92 (in Russ.).
  30. Savelyev A. I. Civil-legal aspects of regulation of personal data turnover // Herald of Civil Law. 2021. No. 4. P. 104–129 (in Russ.).
  31. Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S. The legal essence of new digital assets // Law. 2018. No. 9. P. 86–95 (in Russ.).
  32. Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S. Digital Assets: Legal Analysis. M., 2020 (in Russ.).
  33. Solovyanenko N. I. The legal role of electronic signature in e-commerce // Entrepreneurial Law in the XXI century: continuity and development. M., 2002. P. 67–83 (in Russ.).

REFERENCES

1. Agarkov M. M. Obligation under Soviet Civil Law. M., 1940. P. 22, 23 (in Russ.).
2. Andreev V. K. Legal regulation of the use of digital technologies: theoretical reflections // State and Law. 2021. No. 11. P. 81–89 (in Russ.).
3. Andreev V. K. Problems of adaptation of binding rights to treatment in the investment platform // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2021. No. 6. P. 85–90 (in Russ.).
4. Vasilevskaya L. Yu. Token as a new object of civil rights: problems of legal qualification of digital law // Actual problems of Russ. law. 2019. No. 5. P. 111–119 (in Russ.).
5. Wiener N. Cybernetics or control and communication in the animal and the machine. 2nd ed. M., 1968 (in Russ.).
6. Vitryansky V. V. Reform of Russian civil legislation: interim results. M., 2016 (in Russ.).
7. Gapanovich A. V. On the issue of inheritance of virtual property in social networks // Inheritance Law. 2020. No. 2. P. 40–43 (in Russ.).
8. Gapanovich A. V. Is the digital double an independent object of civil rights? // The Law of the Digital Economy. 2021. Issue. 17. Yearbook-anthology / res. red. M. A. Rozhkova. M., 2021. P. 412–428 (in Russ.).
9. Glushkov V. M. Fundamentals of paperless computer science. M., 1982 (in Russ.).
10. The Civil Code of the Russian Federation. Article-by-article commentary to Chapters 1–5 / A. V. Barkov, A. V. Gabov, V. G. Golubtsov, etc.; ed. by L. V. Sannikova. M., 2015. P. 11–21 (in Russ.).
11. Guznov A., Mikheeva L., Novoselova L. And other digital assets in the system of objects of civil rights // Law. 2018. No. 5. P. 16–30 (in Russ.).
12. Egorova M. A., Kozhevina O. V. The place of cryptocurrencies in the system of objects of civil rights // Actual problems of Russ. law. 2020. No. 1. P. 81–91 (in Russ.).

34. *Solovyanenko N.I.* Legal characteristics of documentation, technological data and other information as part of a single technology // Humanities, social- economic and social sciences. 2020. No. 7. P. 187–190 (in Russ.).
35. *Stepanchenko A.V.* On the question of the legal essence of cryptocurrency / ed. by O.A. Kuznetsova, V.G. Golubtsova, G. Ya. Borisevich, etc. // Perm Legal Almanac. Annual scientific journal. 2019. No. 1. P. 510–519 (in Russ.).
36. *Tolstoy Yu.K.* To the theory of legal relations. L., 1959. P. 50–66 (in Russ.).
37. *Hilyuta V.V.* Dematerialization of the object of theft and issues of qualification of encroachments on virtual property // Journal of Russ. law. 2021. No. 5. P. 68–82 (in Russ.).
38. *Shchelokova A.A.* The concept of the digital form of objects of civil rights // Civil Law. 2021. No. 4. P. 11–13 (in Russ.).
39. *Laptev V., Fedin V.* Legal Awareness in a Digital Society // Russian Law Journal. 2020; 8(1):138–157.

Сведения об авторе

ЛАПТЕВ Василий Андреевич –
доктор юридических наук, главный научный
сотрудник Института государства и права
Российской академии наук; 119019 г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

LAPTEV Vasilij A. –
Doctor of Law, chief researcher, Institute of State
and Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia